

Новое исследование Б. Тержан посвящено древностям Тлийского могильника кобанской культуры (кобано-колхидской культурно-исторической общности) Центрального Кавказа. Огромный (около 500 погребений), относительно хорошо раскопанный и, главное, опубликованный могильник открывает широкое поле для исследовательской деятельности. К сожалению, и это один из серьезных недостатков рассматриваемой работы, вне поля зрения Б. Тержан остался очень важный «четвертый том» публикации Тли (Техов 2002), в котором в научный оборот были введены погребения 334–481¹. Это тем более досадно, что, к примеру, в известной Б. Тержан работе С. Райнхольд, также уделяющей особое внимание социальной стратификации «кобанского» общества по данным могильников, эта монография учтена и использована (Reinhold 2007: 376).

Можно в целом позитивно оценить проведенную Б. Тержан работу по анализу социальной стратификации кобанского общества на примере Тлийского могильника. Для мужских погребений выделено три группы: «предводители» (кинжал и топор), «взрослые воины» (кинжал), «мальчики и юноши» (топор). Несколько менее убедительно выглядит стратификация женских погребений. При отсутствии антропологических определений (на что указывает и автор статьи) она не может не вызвать некоторых вопросов. Однако исследования в этом направлении необходимо продолжать, и сам факт обращения автора к данному вопросу следует оценить позитивно. Отметим также ряд интересных наблюдений Б. Тержан. В частности, любопытно определение погребения 102 с украшениями и оружием в качестве «мнимого женского».

Кроме того что отсутствуют антропологические данные, дальнейшее изучение тлийских древностей затруднено и отсутствием внятных планов погребений (в публикациях мы видим, и то далеко не всегда, миниатюрные схемы погребений) и даже общего плана самого могильника или хотя бы его участков. Тем самым сводятся на нет наши возможности как по уточнению его хронологии (выделению более ранней и более поздней части некрополя или же случаев стратиграфии), так и по изучению отражения в его планиграфии социальной структуры древнего населения. Публикация могильника без его генплана ни в коей мере не соответствует уровню археологии рубежа XX–XXI вв., да и для середины XX в. это скорее нонсенс.

Главное, что вызывает недоуменные вопросы и даже некоторое отторжение, это новая трактовка Б. Тержан коллективных погребений могильника, в которых кости нескольких скелетов перемешаны, составляют скопления в различных частях захоронения или же помещены в бронзовые сосуды. Традиционно принято считать, что это связано с последующими захоронениями в уже существующие погребальные ямы, когда находящиеся там останки сдвигались в сторону, «освобождая» место для умершего. Напротив, по мнению Б. Тержан, «такая интерпретация может иметь место лишь в отношении небольшого числа

¹ В работе Б. Тержан говорится о 500 погребениях Тлийского могильника, но ссылки на эту монографию отсутствуют, а опубликованные в ней погребения остаются неиспользованными.

захоронений, погребальный инвентарь которых хронологически разнороден, но не должна относиться к множеству остальных хронологически однородных погребений». Как считает исследовательница, в большинстве случаев имели место «одновременные захоронения в общей могильной яме, но с различным погребальным обрядом». Смелое утверждение, позволяющее автору фактически ставить знак равенства между погребальным обрядом Колхиды («страны Медеи») с доминированием вторичного обряда (Скаков 2011а) и погребальным обрядом центрального варианта кобанской культуры (в данном случае, по нашему мнению, — южной кобанской культуры). До сих пор вторичный обряд погребения на данной территории не был известен. Если он здесь все же присутствует — это, по сути дела, открытие в науке. К сожалению, Б. Тержан ничем не обосновывает свое утверждение, остающееся исключительно голословным.

Попытаемся все же разобраться с погребальным обрядом Тлийского могильника и, шире, с предположением о существовании обряда вторичного погребения у древних «кобанцев». Вопреки мнению Б. Тержан, «крутой склон и возможные оползни», как правило, не затрудняли «кобанцам» последующие захоронения в имеющуюся могилу. В горных регионах Кавказа могильники, как правило, устраивались на достаточно крутых склонах, так как все относительно пологие участки земли использовались если не для проживания, то в качестве пашни. Кстати, как можно убедиться по приводимым Б. В. Теховым разрезам, фотографиям и т. д. (Техов 1980: табл. 1–2, 2002: 80–82), склон на участке расположения Тлийского могильника по меркам высокогорной местности не является столь уж крутым.

Как предполагается на основании изучения позднекобанского могильника Гастон Уота в Дигории, «погребения в течение очень длительного времени не были покрыты землей», что, безусловно, облегчало совершение новых захоронений (Мошинский 1997: 39). «При захоронении очередного покойника останки предыдущего смещались в сторону», причем «зачастую перемещение происходило по прошествии небольшого промежутка времени, в течение которого тело покойника не успевало истлеть полностью» (Мошинский 1997: 44). Поэтому у перемещенных останков иногда отсутствуют некоторые части скелета (череп, кости ног и рук), иногда кости конечностей лежат в анатомическом порядке, даже с надетыми на запястья браслетами, иногда кости сложены горкой в углу могилы. В одном из углов погребальной ямы в этом случае складывался и инвентарь, сопровождавший перемещенные останки. Иногда же инвентарь помещался в сосуд (Мошинский 1997: 44–45). Известны и случаи, когда при повторном захоронении, спустя даже несколько столетий после первоначального погребения, останки предыдущего покойника не смещались, умерший относительно аккуратно укладывался сверху или сбоку (Козенкова 1982б: 14–17). Почти полностью аналогичные обряды погребений известны на Центральном Кавказе и особенно в Осетии вплоть до эпохи позднего Средневековья («города мертвых»).

Жаль, что Б. Тержан не учла первую публикацию материалов Тлийского могильника по данным раскопок 1955 г. (Техов 1957). Обратимся к изученным тогда погребениям. В погребении 1 под каменным закладом было захоронено три скелета (нижний, перекрытый подсыпкой, оказался разрушен; верхние же два, хотя и разновременные, находились в анатомическом порядке), причем наряду

с протокобанским инвентарем здесь была обнаружена гораздо более поздняя бабочковидная пряжка VIII–VI или VII–VI вв. до н. э. (Техов 1957: 40–42, табл. I: 10; Мошинский 2006: 56).

В погребении 2, также имеющем каменный заклад, останки не менее четырех покойников были перемешаны, хотя на одном из черепов была обнаружена фрагментированная налобная диадема (Техов 1957: 42). Это может свидетельствовать о разрушении одного из костяков еще до полного разложения мягких тканей. Погребенные — разновременны, среди хаотично, по большей части, разбросанного инвентаря выделяются предметы докобанского и раннекобанского, «классического» (кинжал с подтреугольным черешком, пояс), позднекобанского (железные нож и боевой нож с изогнутым лезвием и рукоятью) облика (Техов 1957: табл. IV).

В погребении 3 под каменным закладом обнаружены два скелета, также перемешанные, но на черепе одного из них опять же найдена налобная диадема (Техов 1957: 43). Похожую ситуацию с четырьмя разрушенными скелетами мы видим в погребении 4 (Техов 1957: 44), не имеющем каменного заклада (но здесь погребенные были перекрыты костями крупного рогатого скота). Захороненные в погребениях 3 и 4 могут быть отнесены предположительно (учитывая неполноту имеющейся у нас информации из-за недостаточно высокого качества фотоиллюстраций в публикации) к одному хронологическому периоду. Но при этом отметим, что под некоторыми обнаруженными здесь черепами найдены, вероятно, *in situ* парные небольшие булавки, т. е. части головного убора. В случае вторичного обряда погребения это было бы невозможно.

Каменного заклада не имело и погребение 5, представляющее собой кучу костей, в основании которых находились три черепа (Техов 1957: 44–45, рис. 12). Создается впечатление, что останки были намеренно собраны «в кучу» с целью очистки места для новых погребений. Погребение 6 с двумя сохранившимися скелетами (Техов 1957: 45–46) является, вероятно, парным и может быть датировано в пределах VIII или, в крайнем случае, IX–VIII вв. до н. э. Погребение 7, казалось бы, вполне соответствует критериям Б. Тержан: здесь под каменным закладом помещены останки трех погребенных (один из них ребенок), возможно, относительно синхронные. Может быть, это и есть вторичное погребение — в противном случае для чего понадобилось перемешивать останки захороненных и вновь перекрывать их закладом? Этому предположению мешает наличие вместе с детским черепом фрагментов позвоночника (Техов 1957: 46), т. е. останки ребенка еще не подверглись полному разложению в момент разрушения скелета. Таким образом, утверждать что-либо на примере этого погребения было бы неосторожно.

В погребении 8, содержащем «около 6 черепов», прослежены, тем не менее, некоторые закономерности в размещении инвентаря. Так, крупные булавки «лежали крестообразно на груди костяка», под одним из черепов найдены височные подвески и булавки и т. д. (Техов 1957: 47–48). Итак, в не учтенных Б. Тержан материалах раскопок 1955 г. ничто не указывает на обряд вторичного погребения, и даже в тех случаях, когда в захоронении присутствуют только нарушенные останки, кости и вещи не помещены в те или иные группы, а достаточно хаотично «разбросаны».

В дальнейшем при раскопках Тлийского могильника Б. В. Теховым его методика исследований совершенствовалась, и по опубликованным им описаниям погребений еще яснее становится их последовательность. Без труда, как правило, определяется, при совершении какого захоронения были потревожены и перемещены останки предшествующего. Так, в издании 2002 г. отмечается, что погребение 341 («груда костей» двух человек) было потревожено при совершении погребения 340; в погребении 342 первый скелет (VIII, а по Б. В. Техову — IX в. до н. э.) был частично разрушен при совершении захоронения VI в. до н. э.; при совершении позднего захоронения в погребении 347 были нарушены останки, как предполагается, двух человек, причем их позвонки и ребра, по крайней мере, частично, не утратили анатомического порядка (Техов 2002: 12–15, рис. 12, 19–20). И так далее. Тем же самым образом можно проанализировать и другие разрушенные погребения Тлийского могильника. Все это позволяет убедиться в полном отсутствии вторичного обряда погребения как в Тлийском могильнике, так и в любом другом памятнике Центрального Кавказа этого времени.

Методически уязвимым представляется нам стремление Б. Тержан увязать имеющиеся в том или ином погребении несколько предметов бронзовой пластики, как правило, зооморфной², в один идеологический комплекс. К примеру, в погребении 244 найдены фигурка женщины и две статуэтки лошадей, одна из которых двойная. По мнению исследовательницы, сочетание фигурок в комплексе погребения не случайно. Делается вывод, что здесь мы имеем изображение «Хозяйки животных» — божества лошадей. Следуя такой логике, «в один текст» можно связать различные вещи (возможно, различные и по своим функциям), найденные в одном погребении. Оправданно ли это? Не уверен. В любом случае такой подход требует обоснования.

Соответственно, мы сомневаемся и в возможности увязать между собой и связать с каким-то определенным ритуальным действием «лопаточки-шпатели», бронзовые сосуды и фигурки баранов (погребения 125, 217 и 256). Во-первых, в погребении 217 мы видим не фигурку барана, а подвески в виде бараньей головки (Техов 1980: 37, табл. 94: III, 16–19), а семантическая идентичность фигурок животных и подвесок в виде головы животного не может не вызывать сомнений. Во-вторых, фигурки и головки барана, судя по описаниям, найдены вдалеке от бронзовых сосудов и «лопаточек-шпателей». В то же время «лопаточки-шпатели» (и Б. Тержан оправданно сомневается в возможности определения их как булавок), в самом деле, найдены рядом с сосудами или просто на их краю. В данном случае, вероятно, эти предметы действительно можно увязать между собой. Как представляется, Б. Тержан с полным основанием определяет женщин, захороненных в этих погребениях, как своего рода «колдуний», «приготавливающих специальные яства в некоем ритуальном действии».

Не вполне подтверждается имеющимися материалами предполагаемое Б. Тержан разделение зооморфной пластики на «мужскую» и «женскую». По ее мнению, «в зависимости от пола умершего в могилы клались фигурки определенных видов животных: в женские — баран, собака и лошадь, в мужские —

² В Тли, вопреки утверждению Б. Тержан, известна всего одна антропоморфная статуэтка и одна скульптурка в виде головы человека.

бык, олень и птица». Но, к примеру, в погребении «мальчика» 345 найдена подвеска в виде головы барана (Техов 2002: табл. 12: 4), в женских по инвентарю погребении 346 мы видим подвеску в виде бычьей головы (Техов 2002: табл. 13: 2), погребениях 349 и 372 — фигуры оленя (Техов 2002: табл. 18: 6; 48: 14), погребении 480 — фигурки оленя и птицы (Техов 2002: табл. 139: 7–8). Неясно, как быть в этой связи и с изображениями тура (погребение 385). Очевидно, изучение этого вопроса (семантики зооморфной пластики и возможности ее соотношения с полом погребенного) должно быть продолжено. Не исключено, к примеру, что изображения барана или бараньей головы могли быть семантически различны. Хотя, отметим, заключения Б. Тержан по этому вопросу представляются нам достаточно интересными.

Не вполне ясна и предлагаемая Б. Тержан семантика кавказской зооморфной пластики. Показательно, что при этом исследовательница всецело опирается на материалы Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья, абсолютно не затрагивая кавказские источники. Согласно Б. Тержан, бык — это символ особого статуса умершего, собака — символ смерти и возрождения, козел ассоциируется с Древом жизни (только непонятно, символом чего он при этом является), баран — символ плодovitости и, опять же, возрождения. С тем же основанием можно говорить о баране как символе власти, фарна (изобилие и т. д. в древнеиранской мифологии), плодородия, солярного культа, владычицы зверей и т. д. (см., к примеру, Мошинский 1988: 39–40). Вероятно, следует признать многозначность зооморфных образов в древних мифах и культах. Это, безусловно, не исключает их взаимосвязи и взаимозависимости. Для каждого животного при анализе, в первую очередь, местного (в данном случае — кавказского) материала вычленяется определенный мифологический комплекс, в рамках которого все представляется взаимосвязанным (Скаков 1998а: 19–21, 1998б: 44).

В работе Б. Тержан имеют место и некоторые другие спорные моменты. Так, автор проводит параллель между погребальным обрядом (включающим в себя, по ее мнению, вторичные захоронения), символикой зооморфной пластики (в первую очередь подвесками в виде бараньих голов) и древнегреческим мифом о Медее. Делается вывод о совпадении этих параметров именно в регионе, занятом центральным вариантом кобанской культуры. Тем самым этот регион превращается в «Родину Медеи»!

Все это не выходит за рамки фантазий и вызывает закономерные вопросы. Во-первых, родина Медеи, по распространенному и общеизвестному варианту мифа об аргонавтах, — это Колхида, ныне Западная Грузия и Абхазия, и ни в коем случае не глубинные, незнакомые грекам области Кавказа. Более того, можно считать установленным, что «отождествление мифической Эи (а, соответственно, и связанной с ней Медеи. — А. С.) с Колхидой, общепринятое в позднее время, является одним из <...> поздних элементов» (Иванчик 2005: 63, 83). Локализация «страны Медеи», приуроченной первоначально к «миру мертвых» на краю ойкумены, менялась в зависимости от расширения пространства эллинского мира, географического кругозора греков (Иванчик 2005: 82–83; Андреев 1990: 160–170). Помещали ее и на фракийском или малоазийском побережье Понта (Андреев 1990: 148), и в северной Адриатике (Грейвс 1992: 433–434, 450). Вряд ли, оставаясь в рамках научного дискурса, можно

использовать миф об аргонавтах, Эе и Медее для реконструкции древней истории Кавказа.

О погребальном обряде племен кобанской культуры (точнее, кобанских культур) мы говорили выше. Вторичный обряд мы встречаем в Западном Закавказье, а не в регионе Центрального Кавказа. При этом имевший местные, закавказские истоки (см. Скаков 2011а: 107–109) вторичный обряд погребения у колхидских культур был различен. Так, у племен бзыбской колхидской культуры представлены наряду с труположениями вторичные захоронения в урнах, ямах-колодцах и подпрямоугольных ямах. В ингури-рионской колхидской культуре доминируют коллективные вторичные захоронения в погребальных ямах значительного размера, как правило, с частичной кремацией. В лечумо-имеретинской колхидской культуре погребальные памятники практически отсутствуют, что объясняется, вероятно, особенностями погребального обряда, предполагающими экспонацию (выставление) и дальнейшую экскарнацию («уничтожение») тела умершего. Таким образом, наличие вторичного обряда погребения само по себе не является параметром для выделения определенной идеологической общности, необходимо учитывать особенности функционирования этого признака и его место в культуре.

Наконец, остановимся на подвесках в виде бараньих голов. Этот признак абсолютно неизвестен в Колхиде. Вернее, если быть точным, бронзовые скульптурные изображения баранов там встречаются (к примеру, во время наших работ 2010 г. фигурка барана была найдена в погребальной яме 7 Джантухского могильника, датированной в пределах III–II вв. до н. э.), но стилистически они не имеют ничего общего с центральнокавказскими подвесками (см., к примеру, Васильева 2004: 25). Самый близкий (хотя и не идентичный) аналог последних в Западном Закавказье известен в высокогорной Сванетии (Чартолани 1989: табл. XXX: 6), древности которой в прото- и раннекобанскую эпоху отличаются явным сходством с центральнокавказскими и, особенно, дигорскими. Более того, использованные Б. Тержан подвески в виде бараньих головок из погребения 15 Зандакского могильника (Козенкова 1982а: табл. XXV: 6; Марковин 2002: 137, рис. 28: 3) и Хатуни (в данном случае мы имеем дело не с бараньей головкой, а с фигуркой этого животного, см. Козенкова 1982а: 71) также отличаются стилистически от центральнокавказских и относятся к совершенно другим типам. Кардинально отличаются от центральнокавказских и неучтенные Б. Тержан привески в виде стилизованных головок барана из погребения 76 могильника Сержень-юрт (Козенкова 1982а: 43, табл. XXV: 5). Подвески нашего типа из докобанского погребения 1 могильника Квасатали в Южной Осетии (Джапаридзе 1955: 27) остались не учтены исследовательницей.

Таким образом, подвески в виде бараньей головки с закрученными рогами, столь характерные для докобанского и раннекобанского времени, свойственны только центральному варианту кобанской культуры (точнее, центральной кобанской и южной кобанской культурам). Ни к мифу о Медее, не имеющей изначально никакого отношения к Кавказу, ни к вторичному погребальному обряду колхидских культур эти подвески не имеют никакого отношения. Отметим также, что к тому моменту, когда миф об аргонавтах и Медее оказался приурочен к Колхиде, а произошло это не ранее второй половины — конца VIII в. до

н. э. (Иванчик 2005: 82–85), скорее уже в последней трети VII в. до н. э. (Скаков 2011б: 116), подвески данного типа уже давно вышли из употребления. Таким образом, итоговый вывод Б. Тержан о том, что «судя по карте распространения подвесок с головой барана, в центральнокавказском регионе выделяется компактная область не только с одинаковой символикой животных, но также сходными погребальными ритуалами и культурами, приравненная к центральному варианту кобанской культуры», повисает в воздухе. Невзирая на это, у нас не вызывает сомнений перспективность сравнительного анализа кавказского материала с мифологией и культовой практикой Средиземноморья. Именно попытка такого анализа была проделана Б. Тержан, что, безусловно, необходимо приветствовать.

Литература

- Андреев Ю. В. 1990. Поэзия мифа и проза истории. Л.: Лениздат.
- Васильева Е. Е. 2004. Основа классификации бронзовых подвесок в виде бараньих головок эпохи поздней бронзы и раннего железного века Северного Кавказа // Тихонов И. Л. (ред.). Альманах молодых археологов. Сборник студенческого археологического общества. СПб.: Дмитрий Буланин, 6–26.
- Грейвс Р. 1992. Мифы древней Греции. М.: Прогресс.
- Джапаридзе О. М. 1955. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии // КСИИМК 60, 23–30.
- Иванчик А. И. 2005. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. В античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Москва; Берлин: Палеограф.
- Козенкова В. И. 1982а. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука (САИ. В2-5).
- Козенкова В. И. 1982б. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА 3, 14–34.
- Марковин В. И. 2002. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-су (Северо-Восточный Кавказ). М.: Наука.
- Мошинский А. П. 1988. Новая интерпретация кобанских птицевидных блях // Тменов В. Х. (ред.). Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 34–42.
- Мошинский А. П. 1997. Погребальный обряд могильника Гастон Уота // Белоцерковская И. В. (ред.). Археологический сборник. Погребальный обряд. М.: ГИМ, 38–46.
- Мошинский А. П. 2006. Древности Горной Дигории VII–IV вв. до н. э. Систематизация и хронология. М.: ГИМ.
- Скаков А. Ю. 1998а. Об одной из групп кобано-колхидских орнаментированных топоров // Мунчаев Р. М. (ред.). Историко-археологический альманах 4. Армавир; М.: Армавирский краеведческий музей; ИА РАН, 12–23.
- Скаков А. Ю. 1998б. Семантика топора и стрелы у древнего населения Кавказа // Вилинбахов Г. В., Массон В. М. (ред.). Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: ГЭ; ИИМК РАН, 44–47.
- Скаков А. Ю. 2011а. Погребальные ямы Колхиды // Мамаев Х. М. (ред.). Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; М.: ИА РАН; Институт гуманитарных исследований АН ЧР, 95–113.

- Скаков А. Ю. 2011б. Абхазия в эпоху античности: страна на перекрестке культур и коммуникаций // Авидзба В. Ш. (ред.). Материалы Первой Международной научной конференции, посвященной 65-летию В. Г. Ардзинба. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований, 115–129.
- Техов Б. В. 1957. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна (Древний могильник в с. Тли). Сталинир: Госиздат Юго-Осетии.
- Техов Б. В. 1980. Тлийский могильник I (комплексы XVI–X вв. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба.
- Техов Б. В. 2002. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-Пресс.
- Чартолани Ш. Г. 1989. К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Тбилиси: Мецниереба.
- Reinhold S. 2007. Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus. Materielle Kultur, Chronologie und überregionale Beziehungen. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH.

Чшиев Х. Т.

Очень приятно познакомиться с новой интересной авторской работой, посвященной одной из малоизученных, но весьма перспективных тем — социокультурному развитию племен древнего Кавказа и связи их культуры с культурой народов Средиземноморья в эпоху бронзы — раннего железного века.

Как известно, с конца XIX и вплоть до второй половины XX в. научные и культурные связи между известными европейскими научными центрами и Кавказом были весьма интенсивными. В дальнейшем взаимный интерес, исследования, обмен в этой области, к сожалению, значительно уменьшились. Тем более отрадно, что проф. Б. Тержан из Люблянского университета решила пойти по стопам плеяды таких выдающихся европейских исследователей кавказских древностей, как Ф. Хегер, Р. Вирхов, Э. Шантр, Г. Коссак, Ф. Ганчар и др.

Актуальность рассматриваемой автором темы подтверждается неоднократным обращением археологов, историков и культурологов к связям в древности между культурами Кавказского региона и Средиземноморского бассейна. Интерес к ней хорошо отражен в названии работы А. А. Захарова еще 1928 года: «Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир. Несколько археологических параллелей» (Захаров 1928). Уделяли внимание этой проблеме М. Н. Погребова, Д. С. Раевский, Е. И. Крупнов, Б. А. Куфтин, Г. Коссак и многие другие. Появление некоторых орнаментов и категорий материальной культуры в классический период развития кобанской культуры на Кавказе В. И. Козенкова, к примеру, связывала с вероятностью средиземноморского культурного импульса (Козенкова 1996: 92–95, 123)¹.

¹ Особенно приятно было увидеть на рис. 1 рассматриваемой статьи Б. Тержан фотографию склепового некрополя — «города мертвых» нашего родового селения Даргавс, где в одном из склепов покоятся и мои предки.